

УДК 94(32):903.27

ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОЗЯИНА СТАРОЕГИПЕТСКОЙ ЧАСТНОЙ ГРОБНИЦЫ КАК СУБЪЕКТ КУЛЬТА

Ф.И. Куликов

Горно-Алтайский государственный университет, 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1
fedkulikov@yandex.ru

Исследуются большие изображения хозяина в образе жреца-чтеца (херихеба) в староегипетских частных гробницах. В суперструктуре гробниц этого времени путем особого соположения архитектурных компонентов, различных сюжетов и сцен моделировался мир, в котором предстояло обитать Двойнику (Ка) хозяина. Выяснено, что хозяин, переданный художником в облике жреца-чтеца, является во многих случаях главным действующим лицом и организатором изображенной в суперструктуре регулярной жреческой службы. Его изображение может включаться в общий контекст сцены службы в гробнице либо служить аналогом всей сцены и помещаться в местах действительного совершения ритуала.

Ключевые слова: Древний Египет, египетская частная гробница, жрец-чтец.

Основной источниковый материал по истории Древнего Египта периода Старого царства обнаруживается исследователями в царских и частных погребениях – пирамидах, мастабах, скальных гробницах и простейших захоронениях. Наибольшую ценность для историков и специалистов в области культуры представляют настенные изображения в помещениях суперструктуры вельможеских мастаб, позволяющие изучать практически все аспекты староегипетской жизни – экономику и социально-экономические отношения, политическую жизнь и мировоззрение.

Ценность настенных изображений как исторического источника обусловлена спецификой восприятия египтянами как самих изображений, так и погребения в целом. Для египтянина времени Старого царства гробница была в первую очередь не местом сохранения тела, а сложно организованной системой архитектурно-изобразительных компонентов, обеспечивающей посмертное существование его Ка (Двойника) в созданном и обустроенном для этого мире [Большаков, 2001]. Этот мир Ка не ограничивался помещениями суперструктуры, но его масштабы, структура и, наконец, надежность и комфортность определялись тем, насколько полно и правильно он будет отражен в настенных рельефах камер и часовен наземной части погребения. Поскольку египтянин не мог полностью абстрагироваться от окружающей его земной жизни, он представлял мир Двойника улучшенным аналогом вельможеского хозяйства, где нет богов, нет царя и царской службы, где много скота, птицы и челяди и где Ка хозяина погребения, окруженный Двойниками ближайших родственников, является главным лицом. Благодаря этому настенные изображения стали для него средством обеспечения надлежащего существования Двойника (Ка), а для египтолога – основным историческим источником.

На стенах помещений суперструктуры (в позднее время – и субструктуры) можно видеть производственные и бытовые сцены – работу земледельцев и пастухов, ремесленников и доставщиков произведенной продукции, плавание хозяина в лодке, его прогулку в паланкине и многое другое. Производственные и бытовые сюжеты часто перемежаются изображением работ жрецов, большая часть которых совершались в реальности здесь же – в камерах, открытых дворах и часовнях.

Но для должного функционирования гробницы мало было воспроизвести напряженную и многогранную жизнь вельможеского хозяйства – следовало создать определенную систему с иерархией ее компонентов. Замечено, что производственные, бытовые и жреческие сюжеты довольно последовательно локализуются и сопологаются в помещениях суперструктуры, образуя, таким образом, архитектурно-изобразительное пространство, начинающееся для посетителя на входе в погребение и заканчивающееся в часовне у ложной двери с жертвенником [Куликов, 2010]. Кроме этого, в изобразительном оформлении староегипетского погребения хорошо просматриваются две сюжетные линии: одна передает действия, происходящие за пределами погребения (работы в поле, на пастбище и в ремесленных мастерских, доставка к гробнице животных, продуктов и вещей), другая – работы жрецов и помогающих им челядинцев непосредственно в погребении. Эти две сю-

жетные линии имеют разные системы координат, часто находят одна на другую, что вызывает большие трудности у исследователя, пытающегося понять закономерность структурирования мира Двойника.

Главным местом культа для жрецов и главным системообразующим компонентом в художественном оформлении всего погребения является ложная дверь в часовне – имитация двери настоящей – выложенная из каменных блоков или кирпича, высеченная в стене или просто изображенная на ней. Через ложную дверь происходило общение людей с Двойником хозяина, выходящим к жрецам за ежедневной продуктовой жертвой. Результат и смысл жреческой службы наглядно демонстрируется художником на стеле ложной двери: на ней почти всегда показан хозяин, трапезничающий за одноногим столиком с половинками хлебов (см. рис.). Под столиком художник изображает или, гораздо чаще, выписывает иероглифами то, что не могло или не должно было на него попасть, – мясо, пиво, материю и проч.

В прочих помещениях гробницы и на других стенах часовни роль системообразующего фактора чаще всего выполняло большое изображение хозяина погребения. В совокупности с расположенной перед ним сценой они образовывали систему «хозяин – сцена», в которой оба компонента сюжетно и иконографически связывались между собой. Как и на стеле ложной двери, в общих сценах хозяин показан прежде всего получателем, но ассортимент подношений в этом случае гораздо шире: к нему подгоняют скот, подносят продукты, птицу, лотос и изделия ремесла. Одновременно с этим хозяин в общих сценах выступает и лицом активным: надписи перед его большой фигурой однозначно указывают, что, находясь перед производственными сюжетами и сюжетами доставки, он занят чрезвычайно важным для функционирования гробницы «смотрением» [Большаков, 2001]. Благодаря «смотрению» жреца, случайного прохожего, а в их отсутствии – «смотрению» изображенного хозяина высеченные мастером рельефные сцены получали свойство быть, становились миром Двойника.

Эти довольно странные и непривычные современному человеку мировоззренческие построения имеют, на наш взгляд, вполне земную подоплеку. Египетский вельможа, получая за службу должностное имение, брал на себя и определенные обязательства по общей организации его жизни как социально-экономической единицы государства. Вступившему в должность совсем не обязательно было вплотную заниматься хозяйственными проблемами (для этого придавались профессиональные управленцы), но его личное присутствие на пашне и в ремесленной мастерской было, видимо, желательным. При этом административная активность вельможи должна была дополняться заданным набором инсигний, имеющих сакральный смысл и обеспечивающих успех челядинцев в работе. Выявленная в настенном изображении корреляция между облачением, предметами в руках вельможи и содержанием сцены перед ним должна означать только одно: отправляясь в реальной жизни с инспекцией на поле к жнецам или в стан пастухов, он должен был определенным способом опоясаться и не забыть прихватить с собой платок. В свою очередь жрецу, служившему в гробнице или возле нее, следовало оперировать жезлом, касаясь им (?) внесенных в часовню продуктов и вещей [Куликов, 2013]. Примечательно, что в древнем Китае эпохи Шан/Инь в высшей администрации видели не столько аппарат, исполнявший определенные организационные функции (инспектирующие не имели даже специальной подготовки), сколько группу сакральных помощников вана, необходимых для поддержания в стране благодатных магических сил [История Древнего Востока..., 2004. с. 200]. Став главным персонажем в мире-Двойнике – улучшенном аналоге такого хозяйства, египетский вельможа не мог освободиться от этой «прижизненной» ноши в пользу какого-либо «управителя» без ущерба для своего статуса.

Как видно, хозяин, изображенный в производственных сценах суперструктуры гробницы, выступает в двух ипостасях – организатора работ и главного получателя произведенной в ходе этих работ продукции. Помимо этого, египетский художник Старого царства очень часто представляет своего заказчика и в облике жреца – сема (с наброшенной на плечи шкурой леопарда) или херихеба (с широкой белой лентой, повязанной поперек груди). Последнее наблюдение способно вызвать недоумение даже у египтологов, привыкших, казалось бы, к самым неожиданным проявлениям древнеегипетского менталитета. Действительно, рельефы хозяина погребения в облике жреца наводят на мысль о том, что его Двойник был не только объектом, но и субъектом культа, т.е., нес службу в своем погребении в пользу самого себя.

Целью данной статьи является изучение причины и особенностей изображения хозяина-

херихеба в архитектурно-изобразительном пространстве частных гробниц периода Старого царства. Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть варианты построения сюжета с участием вельможи в ипостаси жреца-чтеца, сгруппировать их и провести системный анализ.

Херихеб (жрец-чтец) являлся главным действующим лицом и при погребении, и в ритуале обеспечения Двойника хозяина гробницы ежедневной жертвой. Он изображался с широкой белой лентой поперек груди и со свитком в руке. Обычные для херихеба опоясание с выпущенной вперед лопастью, а также подвязная борода свидетельствуют о его высоком социальном статусе. Находясь в черед работающих жрецов, херихеб зачитывал «имена» возлагаемых на жертвенник продуктов и вещей. Судя по сохранившимся жертвенным листам, он мог возглашать и названия всех действий, производимых в это время его коллегами внутри помещений суперструктуры: курение ладана, приготовление воды с натроном, очищение водой жертвенника и продуктов, возложение продуктов на жертвенный камень и проч. [Куликов, 2012, с.102–118].

Первые изображения владельца гробницы с лентой херихеба появляются еще в начале Старого царства – в правление IV династии. В хорошо известной специалистам гробнице Хафхуфу I [Simpson, 1979, fig. 32] (время правления Хеопса-Хефрена) рельеф хозяина-херихеба был размещен на стеле ложной двери в сцене трапезы (см. рис.). Хафхуфу I показан принимающим полагающуюся ему жертву: одна его рука прижата к груди, другая тянется к хлебам на столике. Широкая перевязь, подвязная борода и длинный до плеч парик указывают на полную готовность к службе, обеспечивающей его этими продуктами.

Представленное изображение Хафхуфу I хорошо согласуется с репертуаром оформления ложной двери: на ее косяках мастер вырезал ярусами, по одному, фигуры жрецов, спешащих в проем, где всегда размещался жертвенник. Они несут кадильницу для курения ладана (верхняя часть фигуры этого слуги Двойника разрушена, но надпись позволяет понять изображение именно так), сосуды для возлияния воды и сосуды с вином, столики с хлебами и готовой птицей, полосы материи и только что отсеченную ногу жертвенного животного. Все эти персонажи часто встречаются в сценах ежедневной жреческой службы у жертвенного камня. По сути, представлен один из ранних вариантов изображения этой службы, где недостающего в черед херихеба заменяет сам хозяин, сидящий за столиком. В его руках нет свитка, но необходимая в работе жертвенная формула с объемным перечнем нужных продуктов высечена прямо перед его лицом. Так Хафхуфу I-херихеб возглавлял жреческую череду, взяв на себя главную роль по обеспечению культа своего Двойника.

Сразу два варианта рассмотренной сцены можно увидеть в гробнице Нисутнефер [Kanawati, 2002, pl. 53, 56], построенной чуть позже – в начале правления царей V династии. Первый вариант, с участием хозяина-херихеба, обнаружен на южной стене часовни. Три жреца, расположенных последовательно один за другим, несут службу: первый из них протягивает вельможе два круглых сосуда, второй стоит в позе «прославления», третий движением руки отправляет жертву адресату – разместившемуся здесь же Нисутнефер, представленному в ипостаси херихеба. Об участии последнего в ритуале говорит не только повязанная широкая лента жреца-чтеца, но и (как и в предыдущем случае) большой список продуктов прямо перед глазами.

Во втором варианте хозяин-херихеб изображен художником прямо в проеме северной ложной двери часовни. Рельефов жрецов вблизи не видно, но на ближайших в херихебу косяках, прямо перед ним, мастер вырезал изображения столиков с хлебами, чаш и сосудов с длинным сливом – все на высоких подставках. Поскольку эти предметы активно используются в службе у ложной двери, можно уверенно предположить, что художник за неимением места для развернутой сцены намекнул таким способом на недавнее присутствие здесь жрецов.

Похожую сцену можно видеть в часовне гробницы (мастабы) Сешатхетеп [Junker, 1934, pl. 45, 48(a,b)], датируемой тем же временем – началом правления V династии. На щеках северной и южной ложных дверей художник изобразил хозяина с лентой херихеба, а перед ним на косяках – чаши, сосуды и столики на подставках. Здесь же, на косяках, вырезаны фигуры слугителей Ка, спешащих к месту службы с кадильницей и сосудами для возлияния.

В это же время или чуть позже изображения вельможи в ипостаси жреца-чтеца стали появляться не только на ложной двери, но и в других местах совершения ритуала, прежде всего на входе в помещение. В гробнице принцессы Мерисанх III [Dunham, Simpson, 1974, fig. 7] большое изображение херихеба размещено у прохода из камеры А в часовню. Поскольку женщине, судя по всему, нельзя было исполнять работу жреца-чтеца, в этой роли был задействован мужчина. Сильно раз-

рушенный рельеф хозяина-херихеба над входом в часовню можно заметить в гробнице Небмахет [Hassan, 1943, fig. 81]. Рядом с ним художник оставил изображения продуктов на столиках, сцену заклания жертвенного животного и сцену танца, часто сопровождающую подготовку продуктов к ритуалу.

В гробнице Каи [Junker, 1938, abb. 14, 15, 16] рельефы хозяина-херихеба были высечены на щеках входа в суперструктуру. Чуть выше, на балках входа, мастер вырезал жертвенные формулы, которые зачитывались жрецами в этом месте во время настоящей ежедневной службы. Изображение Каапер [Kanawati, Hassan, 1996, pl. 53] и его сына (оба херихебы) на входе в открытый двор гробницы сопровождается надписью другого содержания: хозяин, «возлюбленный царем и Анубисом», призывает всякого путника или слугу Ка, следующего мимо гробницы, вниз или вверх по течению реки, лить воду для него, давать ему хлеб и пиво. Если всего этого в наличии не будет, то можно ограничиться произнесением названия жертвы: хлебов и пива, гусей и тысячу голубей, антилоп и быков, а также чистого ладана «для него, смотрящего на работы...Каапер». Сам хозяин с лентой херихеба показан в данном случае не совсем обычно: в правой руке он держит жезл, а левой указывает путнику вход в систему помещений, где тому и следовало совершить службу.

Один из этапов ежедневной службы в погребениях с большой суперструктурой проходил, вероятно, в пространстве между колоннами входного портика или внутреннего зала: колонны с архитравом, как и сплошные стены, делили в представлении египтян помещение на отдельные архитектурные сегменты. Видимо, по этой причине большое изображение херихеба было размещено в гробнице Ниседжеркаи [Junker, 1938, abb. 8], на колонне – прямо под архитравом с высеченной там жертвенной формулой.

В правление египетских царей поздней V династии изображения вельможи в облике херихеба по-прежнему встречаются в оформлении суперструктуры, но теперь они чаще всего не сопровождаются рельефами жрецов и написанием жертвенной формулы. Примечательно, что и в этом случае хозяин-херихеб предстает перед нами в местах совершения регулярной жреческой службы. Рельеф Каемнефрет [Simpson, 1992] с перевязью жреца-чтеца высечен на архитраве входа в его часовню, а Нефер [Hassan, 1941, fig. 170] – на косяках входа. Поскольку во втором сюжете к хозяину подгоняют животных, то в руках Нефер мы можем видеть не жезл, а приличествующие случаю посох и платок. На другом небольшом фрагменте с притолоки прохода из этой же гробницы Нефер показан сидящим за столиком. В большой гробнице Чи [Epron, Daumas, 1939] изображения хозяина-херихеба оставлены египетским мастером на колоннах, а также на косяках прохода из помещения в помещение. Впрочем, Менуанх-херихеб, изображенный на архитраве входа своей гробницы из провинциального некрополя [Kanawati, 1980], показан, как и прежде, перед жертвенной формулой и в компании другого жреца, курящего перед ним ладан. В такой же сцене курения ладана, но на колонне в часовне, изображен Нихетепптах [Badawy, 1978], построивший свою гробницу в самом начале правления VI династии.

В правление VI династии часовни частных гробниц стали часто снабжаться развернутыми сценами регулярной жреческой службы у ложной двери. Реально проходившая здесь же служба изображалась мастером часто весьма лаконично, но даже в самых сжатых вариантах обязательно присутствует жрец-чтец – теперь уже не хозяин, включенный художником в череду служителей Ка, – по-прежнему выполняющий свою важную работу. Видимо, по этой причине большие рельефы вельможи в облике херихеба высекаются теперь только там, где места для больших сцен просто не было, но служба проходила, чаще всего на входе. Изображения Анхмахор [Kanawati, Hassan, 1997], Мерерука [Duell, 1938, pl. 7], Кахеп [Kanawati, 1980, pl. 11] и Кар [Simpson, 1976, fig. 28] с лентой херихеба можно видеть на пилястрах и косяках входа в помещения. При этом Кар изображен за работой: встав лицом к часовне, он читает развернутый свиток. На притолоке входа в часовню были размещены целых шесть фигур Кахеп в образе херихеба. Широкие ленты через плечо, как и высеченные здесь же изображения сосудов, однозначно указывают на характер его работы.

Анализ локализации больших изображений хозяина в облике херихеба позволяет утверждать, что внутри гробницы они маркировали места проведения отдельных этапов регулярной жреческой службы. Судя по всему, она проходила на входе в суперструктуру, на входе из одного помещения в другое, между колоннами либо пилястрами и у ложной двери. Безусловно, служба у ложной двери была завершающей и основной, и когда в больших гробницах стали появляться более-менее подробные ее изображения, они помещались художником в часовне, недалеко от жерт-

венника.

Большой фигурой хозяина с лентой херихеба художник не только отмечал места совершения ритуала. В период правления IV–V династий он, когда это было возможно и нужно, включал изображение вельможи в общий контекст сцены службы в часовне. В более позднее время, когда с появлением больших часовен появилась и возможность высекать там отдельные сцены жречествования, изображения вельможи-херихеба стали служить аналогом всей сцены и размещаться там, где места для изображения большой череды было мало. Впрочем, сцену службы заменяли одной фигурой и раньше. И, действительно, к чему было заказчику тратиться на большую сцену, если ее с успехом могло заменить одно изображение.

Египетский художник неслучайно изображал вельможу в облике херихеба. Именно херихеб, а не ути-бальзамировщик, и не льющий воду уаб, был главным в чередѣ служителей. В то время как остальные выполняли лишь подготовительные работы – очищали дымом ладана помещение, жертвенник и снѣдь, готовили воду с натром и разливали раствор в чаши у ложной двери, возлагали на жертвенник продукты, херихеб, читая список продуктов и название действий жрецов, давал им имя («рен»), т.е. придавал вещам и действиям новое необходимое качество. После этого он отправлял жестом все собранное на жертвенник и разлитое в чаши в ложную дверь адресату – своему Ка. Таким образом, херихеб был единственным в группе человеком, имевшим возможность напрямую контактировать с миром Двойника, т.е., служил своеобразным связующим звеном. Изображения хозяина-херихеба в необходимых местах сами по себе указывали на то, что дверные проемы и пространство между колоннами, а также ложная дверь открыты для контакта с миром Двойника, а значит, снѣдь, лотос и вода, доставляемые изображенными невдалеке челядинцами, найдут адресата.

Появление изображений хозяина в образе жреца можно в какой-то мере объяснить и обыденной, «земной», практикой: многочисленные надписи убеждают в том, что работу херихеба в погребениях родителей очень часто выполняли их здравствующие отпрыски. Более того, не исключено, что вельможа сам мог нести службу херихеба в своей загодя построенной гробнице: напомним, что египтянин Старого царства приносил жертву не умершему, а Двойнику человека, который родился вместе с ним и продолжал существовать после его смерти.

Подведем итоги. Нацеленность египтянина на сохранение вечного бытования своего Ка позволила надѣлать староегипетскую частную гробницу весьма специфическими чертами. Если в других культурах погребение служило и служит чаще всего временным местом инкорпорации умершего в загробный мир, то египетская гробница функционировала постоянно, генерируя, непрерывно воссоздавая для Двойника хозяина обстановку его вечного обитания. Возникающее при этом понятное стремление придать миру Двойника абсолютную надежность реализовывалось по меньшей мере двумя путями. Египетские мастера стремились, во-первых, снабдить гробницу всем необходимым для ее относительно автономного существования и, во-вторых, надѣлать ее несколькими «степенями защиты».

В благоприятные и политически стабильные годы, когда сыновья умершего вельможи были еще среди живых и жреческая служба была относительно надежной, продуктовая жертва доставлялась Двойнику на жертвенник перед ложной дверью. В случае имущественных затруднений на жертвенный камень можно было положить и гипсовый муляж. Когда же со временем жреческая служба прекращалась, обеспечение Двойника продолжалось, но теперь уже благодаря только изобразительному оформлению. На стенах суперструктуры художник воссоздавал производственные сцены и сюжеты доставки, образующие полный цикл необходимых действий: «производство – доставка – потребление с попутным жреческим сопровождением». Дополнительную надежность придавали и сцены жреческой службы.

Однако мало было нанести на стену сюжеты из реальной жизни – надо было построить систему, в которой архитектурные и изобразительные компоненты особым образом коррелировали между собой. Эта корреляция, по всей видимости, передавала определенную систему отношений в реальном вельможеском хозяйстве. Именно этим объясняется уникальная роль в изобразительном репертуаре большой фигуры хозяина погребения. Как и в реальном должностном имении, в мире Ка он был не пассивным получателем продуктов, а главным организатором всей хозяйственной жизни, направленной на получение этой жертвы. Путем «смотрения» на размещенную впереди сцену он дает возможность изображенным работам свершаться. Будучи изображенным в ипостаси жреца, он несет службу фактически в пользу самого себя: руководит жрецами и читает жертвенную

формулу. При этом объектом жреческой службы большая фигура хозяина, как и остальные настенные изображения, не являлась изначально: ритуал отверзания уст и очей, который, возможно, проводился над ней (определенно мы можем говорить только о скульптурах), был единичным актом и лишь наделял изображение необходимыми качествами. Все это и позволяет говорить о большом изображении хозяина как субъекте культа в архитектурно-изобразительной системе суперструктуры частной гробницы Старого царства.

Библиографический список

- Большаков А.О.* Человек и его Двойник: Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб., 2001.
- История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / под ред. А.В. Седова. М., 2004.
- Куликов Ф.И.* Жезл и платок как корреляты в системе староегипетской частной гробницы уровня «хозяин – сцена» // Петербургские египтологические чтения 2011–2012: Тр. Гос. Эрмитажа. LXVI. СПб., 2013.
- Куликов Ф.И.* Изображение жреческой службы в часовне староегипетских частных гробниц: некоторые принципы построения сюжета // Вестник древней истории. 2012. № 2.
- Куликов Ф.И.* Некоторые особенности организации изобразительного пространства часовен частных гробниц Египта Старого царства // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2010. № 4/2.
- Badawy A.* The Tomb of Nyhetep-Ptah at Giza and the Tomb of Ankhmahor at Saqqara. Berkeley, Los Angeles, 1978.
- Duell P.* The Mastaba of Mereruka. Chicago, 1938.
- Dunham D., Simpson W.K.* The Mastaba of Queen Mersyankh III, G 7530–7540 (Giza Mastabas. Vol.1). Boston, 1974.
- Epron L., Daumas Fr.* Le tombeau de Ti. Le Cairo, 1939. Vol. 1.
- Hassan S.* Excavations at Giza. Cairo, 1941. Vol. 3.
- Hassan S.* Excavations at Giza. Cairo, 1943. Vol. 4.
- Junker H.* Giza II. Wien; Leipzig, 1934.
- Junker H.* Giza III. Wien; Leipzig, 1938.
- Junker H.* Giza III. Wien; Leipzig, 1938.
- Kanawati N., Hassan A.* The Teti Cemetery at Saqqara. Vol. I: The Tomb of Nedjet-em-pet, Ka-aper and Others. Sydney, 1996.
- Kanawati N., Hassan A.* The Teti Cemetery at Saqqara. Vol. II: The Tomb of Ankhmahor. Warminster, 1997.
- Kanawati N.* Tombs at Giza. Vol. 2: Seshathetep/Heti (G5150), Nesutnefer (G 4970) and Seshemnefer II (G 5080). Warminster, 2002.
- Kanawati N.* The Rock Tombs of El-Hawawish: the Cemetery of Akhmim. Sydney, 1980. Vol. 1.
- Simpson W.K.* The Mastabas of Qar and Idu G 7101 and 7102 (Giza Mastabas. Vol. 2). Boston, 1976.
- Simpson W. K.* The Mastabas of Kawab, Khafkhufu I and II. G 7110-20, 7130-40 and 7150 and subsidiary mastabas of Street G 7100 (Giza Mastabas. Vol. 3). Boston, 1979.
- Simpson W.K.* The offering Chapel of Kayemnofret in the Museum of Fine Arts, Boston. Boston, 1992.

Дата поступления рукописи в редакцию 22.05.2013

THE IMAGE OF A PRIVATE TOMB'S OWNER OF OLD KINGDOM EGYPT AS A SUBJECT OF WORSHIP

F. I. Kulikov

Gorno-Altai State University, Lenkin str., 1, 649000, Gorno-Altai, Russia
fedkulikov@yandex.ru

The article analyses big images of the owner as a priest-reader (heriheb) from private tombs of the Old Kingdom of Egypt. It was found that in the production scenes the host appeared both as the recipient of the goods and the organizer of the work. The owner in the guise of a priest-reader often was the main protagonist and organizer of the pictured regular priestly service. During the reign of the kings of IV-V Dynasties the painters tried to include the owner's image into the overall context of the scene of the service in the chapel. Later, with the emergence of big chapels it became possible to carve detailed priestly scenes there and the images of heriheb became analogues of the whole scene and were positioned in the actual places of the ritual - at the entrance to the tomb, in the aisles from one chamber to another, on the columns. However, the scenes of the service had been replaced by one image of the priest before. It is no coincidence that Egyptian artists portrayed noblemen in the guise of heriheb. While reading a list of products and the names of other priests' actions, the heriheb was giving them

names, therefore was attaching a new quality to the things and actions. After that he sent all the collected gesture on the altar through the false door to the addressee, e.g. himself. Thus, heriheb was the only one among priests who had the opportunity to contact directly with the world of Ka and to serve as a connecting link. The images of an owner-heriheb themselves in appropriate places have pointed out that the tomb was open for contacts with the world Ka.

Key words: Ancient Egypt, the Egyptian private tomb; priest-reader.

References

- Bol'shakov A.O.* Chelovek i ego Dvoynik: Izobrazitel'nost' i mirovozzrenie v Egipte Starogo tsarstva. SPb., 2001.
Istoriya Drevnego Vostoka. Ot rannikh gosudarstvennykh obrazovaniy do drevnikh imperiy / pod red. A.V. Sedova. M., 2004.
Kulikov F.I. Zhezl i platok kak korrelyaty v sisteme staroegipetskoy chastnoy grobnitsy urovnya «khozyain – stsena» // *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2011–2012.* Tr. Gos. Ermitazha. LXVI. SPb., 2013.
Kulikov F.I. Izobrazhenie zhrecheskoy sluzhby v chasovne staroegipetskikh chastnykh grobnits: nekotorye printsipy postroeniya syuzheta // *Vestnik drevney istorii.* 2012. № 2.
Kulikov F.I. Nekotorye osobennosti organizatsii izobrazitel'nogo prostranstva chasoven chastnykh grobnits Egipta Starogo tsarstva // *Izv. Altayskogo gos. un-ta.* 2010. № 4/2.
Badawy A. The Tomb of Nyhetep-Ptah at Giza and the Tomb of Ankhmahor at Saqqara. Berkeley, Los Angeles, 1978.
Duell P. The Mastaba of Mereruka. Chicago, 1938. P. 1–2.
Dunham D., Simpson W.K. The Mastaba of Queen Mersyankh III, G 7530–7540 (Giza Mastabas. Vol.1). Boston, 1974.
Epron L., Daumas Fr. Le tombeau de Ti. Le Cairo, 1939. Vol. 1.
Hassan S. Excavations at Giza. Cairo, 1941. Vol. 3.
Hassan S. Excavations at Giza. Cairo, 1943. Vol. 4.
Junker H. Giza II. Wien; Leipzig, 1934.
Junker H. Giza III. Wien; Leipzig, 1938.
Junker H. Giza III. Wien; Leipzig, 1938.
Kanawati N., Hassan A. The Teti Cemetery at Saqqara. Vol. I: The Tomb of Nedjet-em-pet, Ka-aper and Others. Sydney, 1996.
Kanawati N., Hassan A. The Teti Cemetery at Saqqara. Vol. II: The Tomb of Ankhmahor. Warminster, 1997.
Kanawati N. Tombs at Giza. Vol. 2. Seshathetep/Heti (G5150), Nesutnefer (G 4970) and Seshemnefer II (G 5080). Warminster, 2002.
Kanawati N. The Rock Tombs of El-Hawawish: the Cemetery of Akhmim. Sydney, 1980. Vol. 1.
Simpson W.K. The Mastabas of Qar and Idu G 7101 and 7102 (Giza Mastabas. Vol. 2). Boston, 1976.
Simpson W. K. The Mastabas of Kawab, Khafkhufu I and II. G 7110-20, 7130-40 and 7150 and subsidiary mastabas of Street G 7100 (Giza Mastabas. Vol. 3). Boston, 1979.
Simpson W.K. The offering Chapel of Kayemnofret in the Museum of Fine Arts, Boston. Boston, 1992.

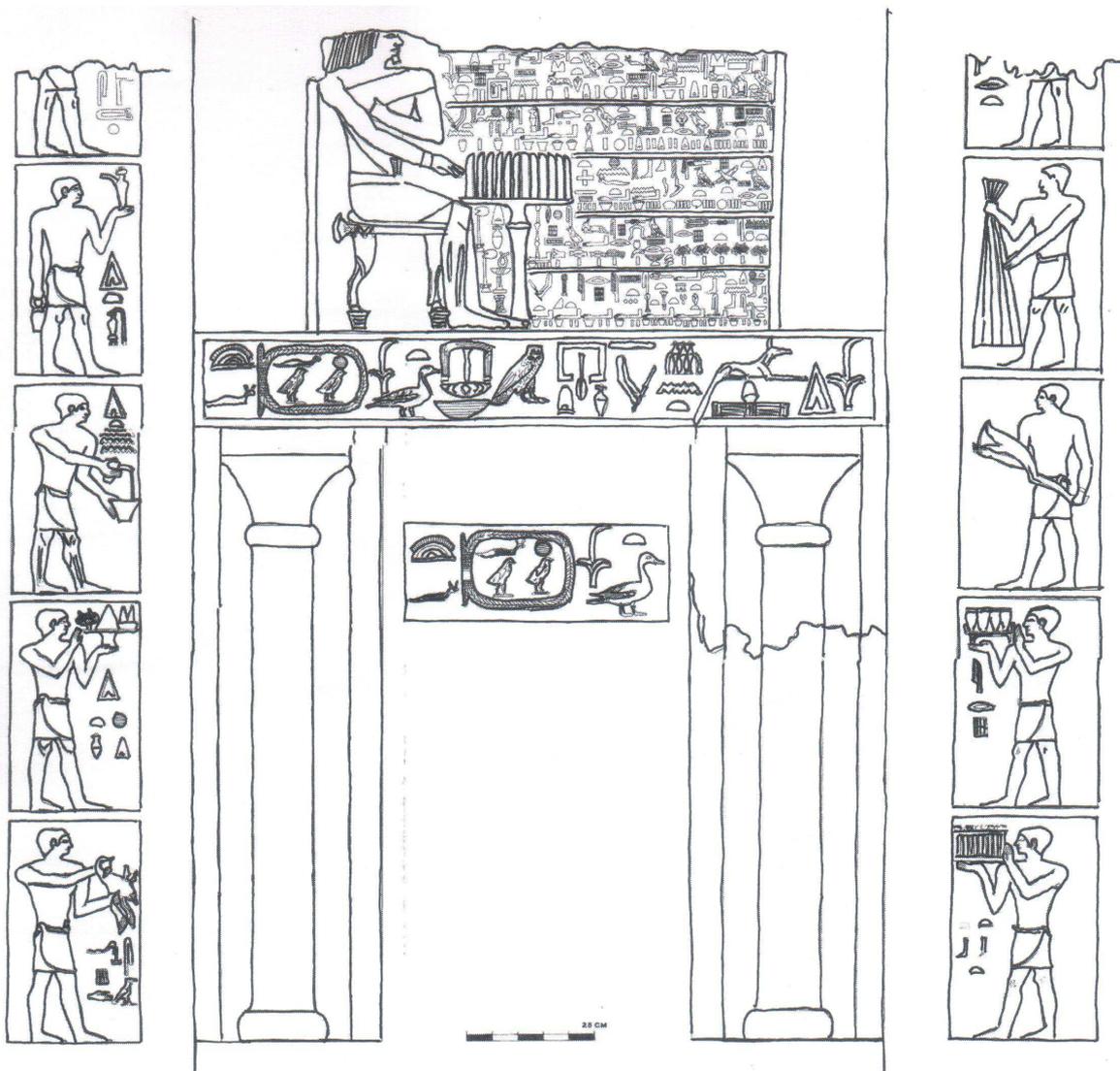

Рис. 1. Хозяин, трапезничающий за одноногим столиком с половинками хлеба